

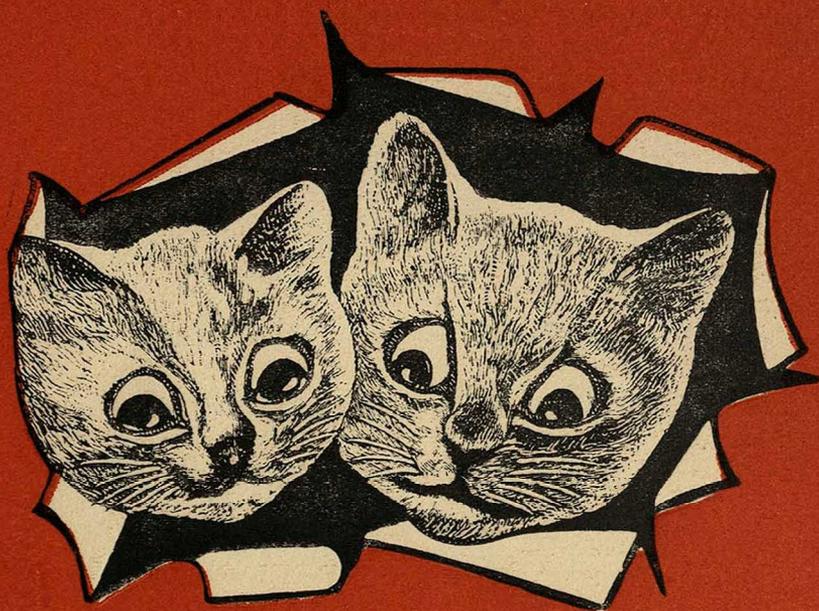
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія пятый.

АПРѢЛЬ,

№ 12.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ФИЛЬКА и МАШКА.
ПОСЛѢ ДОЖДЯ.
МАРУСЯ (повѣсть).
ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.
ИСТОРИИ О СОБАКАХЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Театръ тѣней.
Выкройка пелеринки.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ФИЛЬКА и МАШКА.

Наша семья долгое время жила дальній сѣверъ, гдѣ отецъ мой

Еноты.

на югъ и только когда мнѣ было купиль имѣніе и занялся сель-
уже девять лѣтъ, переселилась на скимъ хозяйствомъ. У насъ былъ

въ этомъ имѣніи большой барскій домъ, стоявшій на высококомъ берегу рѣки, и изъ его оконъ, черезъ лугъ, видѣлся на горизонтѣ лѣсъ, не имѣвшій конца и ухлившій въ другую губернію. Лѣсъ этотъ былъ казенный и назывался Карабанихой. Мы часто собирали въ немъ всей семьей грибы и я очень любилъ въ немъ бывать.

У опушки этого лѣса стояла избушка, въ которой жилъ лѣсникъ и охотникъ Иванъ Гавриловъ. Это былъ необыкновенный мужичокъ. Года три тому назадъ онъ задумалъ было переселиться навсегда въ Америку, продалъ все свое крестьянское хозяйство и на вырученныя деньги, вмѣстѣ съ женой и маленькой дочерью, которыхъ обожалъ, отправился за океанъ искать счастья. Но въ Америкѣ ему не повезло, онъ попалъ тамъ въ какую-то лихорадочную мѣстность, гдѣ въ первый же годъ потерялъ жену и дочь и, проживъ все, возвратился обратно въ Россію. Жилъ онъ въ своей сторожкѣ совершенно одинъ, никогда не пилъ водки и всѣ окрестные мужики его очень уважали. Иногда онъ приходилъ къ намъ въ усадьбу, чтобы купить себѣ хлѣба, творогу или овсянки для своей собаки, и въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ обратился разъ ко мнѣ и къ моему брату Колѣ съ приглашеніемъ побывать у него.

— Приходите ко мнѣ, господа, сказалъ онъ,—я вамъ что-то покажу.

Мы долго сторали отъ нетерпѣнія побывать у Ивана Гаврилова, потому что ужъ слышали, что онъ очень любилъ животныхъ и птицъ и что ихъ у него была цѣлая семья.

Въ одно ясное утро, когда всѣ мы отправились въ Карабаниху по грибы, я не утерпѣлъ и забѣжалъ на обратномъ пути къ Ивану Гаврилову.

Онъ сидѣлъ у себя въ сторожкѣ и зашивалъ себѣ кафтанъ. Заслышавъ меня, онъ поднялъ голову, ласково улынулся и сказалъ:—

— А, здравствуйте! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Вокругъ избушки у него ходилъ ручной журавль, а когда я вошелъ въ нее, то ко мнѣ навстрѣчу выбѣжала его охотничья собака Дамка и почти къ самымъ моимъ ногамъ подкатились какіе-то два небольшіе звѣрька величиною съ небольшую кошку, покрытые сѣрожелтоватою длинною шерстью и съ черными щеками. Когда я въ удивленіи отступилъ назадъ, то и они тоже въ удивленіи оба встали на заднія лапки и, протянувъ ко мнѣ свои плутоватыя мордочки, стали меня обнюхивать.

— Кто это? спросилъ я и не зналъ, бояться мнѣ или нѣтъ.— Они не укусятъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не беспокойтесь!

успокоилъ меня Иванъ Гавриловъ.— Они не кусаются!

Онъ придвинулъ ко мнѣ табуретку и я сѣлъ.

— Это еноты, продолжалъ онъ.— Я привезъ ихъ съ собой изъ Америки и вотъ они живутъ у меня уже два года... Поглядьте ихъ!

Я наклонился и погладилъ каждого изъ нихъ. Одинъ изъ нихъ вскочилъ ко мнѣ на колѣни, а другой взобрался ко мнѣ на плечо и сталъ ковыряться лапками у меня въ волосахъ.

— Какіе славненькіе! сказалъ я.— Поймай такого и для меня!

— Нѣтъ, баринъ, у насъ такіе звѣри не водятся... отвѣтилъ Гавриловъ.— Ихъ теперь только и можно найти въ одной Америкѣ, да и то не вездѣ. Когда я попалъ на рѣку Миссури, то на одномъ изъ ея притоковъ былъ громадный лѣсъ. Тамъ мы пилили бревна. Такъ бывало, окончишь работу и пойдешь къ себѣ въ шалашъ отдохнуть. Вдругъ слышишь кто-то полощется въ водѣ и ворчитъ; выйдешь поглядѣть, а ихъ штукъ десять или двѣнадцать сидятъ у берега рѣки и при свѣтѣ луны что-то моютъ въ водѣ: одни обмываютъ камушки или раковинки, а другіе — кусочки пищи. Енотъ ни за что не станетъ ѣсть, не обмывъ прежде пищи въ водѣ. Мы пилили бревна въ самой глуши, гдѣ еще не ступала нога человѣка, и потому еноты насъ не боялись. Они

любятъ выходить только по ночамъ и вообще селятся въ дремучихъ лѣсахъ тамъ, гдѣ протекаетъ вода. Занятные звѣрки!

— Какъ-же ты ихъ поймалъ?

— Это не я поймалъ, а мой товарищъ, и подарилъ ихъ мнѣ. Они боятся очень огня. При видѣ огня они тотчасъ-же бросаются бѣжать въ разныя стороны, быстро вскарабкиваются на деревья и скрываются въ ихъ листьѣ. Мой товарищъ ловилъ ихъ много, сдиралъ съ нихъ шкурки и продавалъ ихъ на шубы. Хорошія деньги получалъ. Бывало, онъ подстережетъ ихъ, когда они придутъ плескаться въ рѣкѣ, подкрадется къ нимъ сзади и свистнетъ. Они тотчасъ-же всѣ въ рассыпную и на деревья! Вотъ онъ замѣтитъ, на какомъ ихъ деревѣ больше всего, и разложитъ подъ нимъ небольшіе костры. Отъ дыма и огня еноты собьются въ одну кучку и уцѣплятся за вѣтку, чтобы не упасть въ костеръ. Тогда онъ лѣзетъ на дерево самъ, беретъ ихъ прямо руками съ вѣтки и сажаетъ въ мѣшокъ. Вотъ и все! Я къ этимъ двумъ енотамъ такъ привыкъ, что взялъ вотъ ихъ съ собою въ Россію и привезъ сюда. Этотъ вотъ— Филька, а эта— Машка.

Поковырявшись у меня въ волосахъ, Филька спрыгнулъ съ плеча прямо на полъ, Машка послѣдовала его примѣру и оба они, уже на четырехъ ногахъ подошли къ

Дамкѣ и стали съ ней играть. По-видимому, Дамка тоже была очень расположена къ нимъ, потому что легла на спину и позволила имъ влѣзть на себя и теревить себя за уши и за хвостъ. Всѣ трое ласково ворчали другъ на друга. Наигравшись, они разошлись всѣ по разнымъ угламъ. Дамка легла спать, Машка стала выцарапывать когтями изъ щели въ полу грязь, а Филька преспокойно занялся своимъ хвостомъ: онъ то разглаживалъ его лапками, а то вдругъ вскакивалъ, натопорщившись и дѣлая испуганное выраженіе мордочки, и вслѣдъ затѣмъ начиналъ быстро, какъ волчекъ, вертѣться вокругъ самого себя, стараясь поймать себя за хвостъ.

— На родинѣ они весь день спятъ въ дуплахъ, продолжалъ Иванъ Гавриловъ, — а вотъ здѣсь, на чужой сторонѣ, возятся такъ цѣлые дни.

— А много нужно было времени, спросилъ я, — чтобы они привыкли къ человѣку и сдѣлались ручными?

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ. — Они довѣрчивы отъ природы и сразу становятся друзьями.

Мнѣ еще очень хотѣлось поговорить съ Иваномъ объ Америкѣ, но въ это время послышались ауканья и вся наша семья съ полными корзинками вышла изъ лѣса. Я простился съ лѣсникомъ, присоединился къ ней и отправился домой.

Еноты не выходили у меня изъ головы. Я все время думалъ о нихъ и даже видѣлъ ихъ во снѣ. Когда меня спрашивали, то я отвѣчалъ невпопадъ и наконецъ два дня спустя не выдержалъ, отпросился у мамы погулять и снова побѣжалъ къ лѣснику.

На этотъ разъ я встрѣтилъ его во дворикѣ, окружавшемъ его избушку. Онъ сидѣлъ подъ рябиной и пилъ чай. Около него столпились его неизмѣнные друзья: Дамка, журавль, Филька и Машка.

— Здравствуй, Иванъ! крикнулъ я ему черезъ заборъ.

— А, милости просимъ! отвѣтилъ онъ. — Покорнѣйше прошу!

Онъ отворилъ мнѣ калитку и я вошелъ.

Тотчасъ-же Филька и Машка бросились ко мнѣ и начали со мной играть.

— Пошли прочь! крикнулъ на нихъ Иванъ Гавриловъ и, отогнавъ ихъ отъ меня, усадилъ меня пить чай.

Пока мы пили, Филька и Машка по совершенно прямому и гладкому стволу рябины вскарабкались на самую ея вершину. Тамъ они стали играть, перепрыгивать съ вѣтки на вѣтку и вдругъ Филька уцѣпился одной задней лапкой за вѣтку и всѣмъ туловищемъ повисъ внизъ головой.

— Онъ сейчасъ упадетъ и расшибется! воскликнулъ я. — Его надо спасти!

— Не безпокойтесь, равнодушно отвѣтилъ Иванъ и продолжалъ пить чай.—Онъ еще не то будетъ дѣлать!

И дѣйствительно, повисѣвъ немного на одной задней ногѣ головою внизъ, Филька раскачался, прыгнулъ со всего размаха къ Машкѣ и ухватился передними лапками ей за хвостъ. Она не сдержала его тяжести и сорвалась съ вѣтки, на которой сидѣла. Оба вмѣстѣ они упали на землю, громко шлепнулись объ нее и въ удивленіи оба встали на заднія лапки и долго смотрѣли другъ на дружку, точно желая сказать:— „Это ты, Машка, виновата, что не удержалась!“— „Нѣтъ ты, Филька, что ухватилъ меня за хвостъ“!

Было въ этихъ двухъ енотахъ что-то чрезвычайно обезьянье: они были подвижны, увертливы, веселы, ловко лазали по вѣткамъ деревьевъ и повиснуть на вѣткѣхъ внизъ головою для нихъ было ничемъ.

Отпивъ чай и помывъ посуду, Иванъ налилъ въ тазикъ холодной воды и поставилъ его на траву.

— Ей вы! крикнулъ онъ енотамъ.—Идите полоскаться!

Увидѣвъ воду, Филька и Машка однимъ прыжкомъ очутились около нея. Филька тотчасъ-же взялъ въ лапку лежавшій на дорожкѣ камушекъ и бросилъ его въ воду. Затѣмъ осторожно онъ всунулъ лапку въ воду по самое плечо и

досталъ изъ нея камушекъ. Потеревъ его лапкой съ одной стороны, онъ снова бросилъ его въ воду и такъ сдѣлалъ разъ десять подрядъ. Машка тоже хотѣла было заняться тѣмъ-же, но увидѣвъ что-то въ травѣ, сдѣлала прыжокъ въ сторону и что-то схватила. Мы увидѣли, что она держала въ лапкѣ личинку какого-то жука. Подойдя съ ней къ водѣ, она помыла ее въ ней и съѣла.

— Такъ вотъ они моютъ все, что имъ ни дашь... сказалъ Иванъ.— Вотъ погодите, я имъ принесу сейчасъ морковки. Пора уже ихъ кормить.

Пока онъ ходилъ, Филька бросилъ свой камень, тоже прыгнулъ въ сторону и ловко поймалъ кузнечика. Онъ тоже помылъ его въ водѣ и съѣлъ. Когда-же изъ избышки вернулся Иванъ Гавриловъ и принесъ имъ рубленой моркови и картошку, то они съѣли морковь и еще долго играли сырой картошкой, перекатывая ее одинъ къ другому.

— Ну, пора! сказалъ наконецъ Иванъ.—Идите въ избу! Заходить солнцу. Вамъ сырость вредна.

Онъ взялъ ихъ на руки, прижалъ ихъ ласково къ груди и отправился съ ними въ сторожку. Я простился съ нимъ и пошелъ къ себѣ домой.

Было ужасно дождливое лѣто. Цѣлыми недѣлями шелъ дождь не переставая, нельзя было даже вый-

ти въ паркѣ и весь лугъ между нашей усадьбой и Карабанихой такъ и стоялъ потопленный водой. О путешествіяхъ въ лѣсную сторожку скоро пришлось оставить всякую мысль и для меня потянулись томительные, скучные дни. Кое-когда прояснивало, но не надолго, и тогда мы выходили на дворъ, играли въ горѣлки, лазали на сѣноваль и шарили подъ живою изгородью, отдѣлявшею огородъ отъ двора, но это было и все. Скоро снова начинался дождикъ и загонялъ насъ обратно въ домъ.

Только мѣсяца черезъ полтора я опять попалъ къ Ивану Гаврилову.

— Пожалуйте, пожалуйста!.. встрѣтилъ онъ меня.— Милости просимъ!..

Я вошелъ къ нему и увидалъ у него новость. Въ углу стоялъ большой, толстый пенъ, въ которомъ было выдолблено временемъ дупло.

— А гдѣ же Филька и Машка? спросилъ я у Ивана.

Онъ подвелъ меня къ дуплу.

— А вотъ загляните, баринъ, сюда!.. отвѣтилъ онъ и указалъ мнѣ на дыру.

Я заглянулъ въ дупло и увидалъ интереснѣйшую вещь. Оба енота лежали рядкомъ и около Машки копошилось четверо дѣтенышей и сосали ея молочко. Они были такъ мелки соотвѣтственно съ ростомъ своей матери, что это сразу-же бросилось въ глаза.

— Можно взять ихъ въ руки? обратился я къ Ивану.

— О, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! отвѣтилъ онъ.— Пока у самки дѣтеныши, она становится такою злою, что кусается и не подпускаетъ къ себѣ никого. Да къ тому-же эти маленькіе теперь и неинтересны: слѣпы, не глядятъ и похожи на мышей...

Было пасмурно и холодно и вся енотоя семья сидѣла кучечкой въ дуплѣ и повидимому дремала. У Фильки и Машки уже не было той обезьяньей рѣзвости и веселости, которую я видѣлъ въ нихъ въ прошлые свои приходы въ сторожку.

— Боюсь, какъ-бы они у меня не захворали... сказалъ вдругъ Иванъ.— Что-то нахохлились и не выходятъ изъ гнѣзда уже съ недѣлю... Такіе стоятъ холода и дожди, что и на лѣто не похоже...

И дѣйствительно, въ его одинокомъ жилищѣ было теперь какъ-то невесело и не уютно. Если-бы была у Ивана хозяйка, то она затопила-бы ему печь, вымела-бы полъ, обмыла-бы стѣны и въ горницѣ носился-бы запахъ печенаго хлѣба и кислыхъ капустныхъ щей.. А теперь въ сторожкѣ было какъ-то нехорошо: и холодно, и сыро, и одиноко. И мнѣ было жалъ и самого Ивана и его енотовъ, собаки и журавля.

— Бѣдныя звѣри! сказалъ Иванъ.

Я побылъ у него еще немного и возвратился къ себѣ домой.

Такъ въ этотъ годъ мы и не видали лѣта. Дожди смѣнились холодами, а къ холодамъ сразу примкнула осень. Скошенное сѣно такъ и сгнило въ рядахъ, рожь и овесъ проросли въ снопахъ и со середины лѣта, не переставая, у насъ въ столовой горѣлъ каминъ, у котораго мы часто грѣлись.

— Ну, лѣто! вздыхалъ отецъ, то и дѣло потирая озябшія руки.—Ну, край! Нечего сказать!

Какъ-то уже поздней осенью, когда съ печальнымъ шумомъ обнажались деревья и вѣтеръ вылъ на разные голоса въ трубахъ, а дождь, какъ плетками, стегалъ по стекламъ, у насъ въ кухнѣ вдругъ раздался чей-то знакомый голосъ. Я узналъ его и выбѣжалъ въ кухню. Тамъ весь мокрый, въ блестящихъ отъ воды сапогахъ, съ ружьемъ за плечами стоялъ мой пріятель Иванъ Гавриловъ. Около него, вся дрожа отъ холода и мокроты стояла его Дамка.

— Прощайте, баринъ! сказалъ онъ и лицо его освѣтилось ласковой улыбкой.—Уѣзжаю!

— Куда? удивился я.

— Въ Сибирь... На Амурь...

— Что-же ты тамъ будешь дѣлать?

— Чѣмънибудь займусь... Говорятъ, тамъ вольготнѣе и теплѣе... Ужъ какъ-нибудь проживу...

— А гдѣ-же твой звѣри?

Иванъ печально вздохнулъ и безнадежно махнулъ рукою.

— Журавль улетѣлъ, отвѣтилъ онъ, а Машка и ея дѣтки околѣли... Не выдержали климата, потому—сыро и холодно.

— А гдѣ-же Филька?

Иванъ растегнулъ пуговицу на груди и у него изъ-за пазухи высунулась остренькая, плутоватая мордочка енота. Она понюхала воздухъ и тотчасъ-же спряталась обратно въ тепло.

— Беру его и Дамку съ собой... продолжалъ Иванъ. — Теперь мы оба съ Филькой вдовцы...

И потоптавшись на мѣстѣ, онъ взялся за ручку двери.

— Прощайте, баринъ!.. сказалъ онъ.

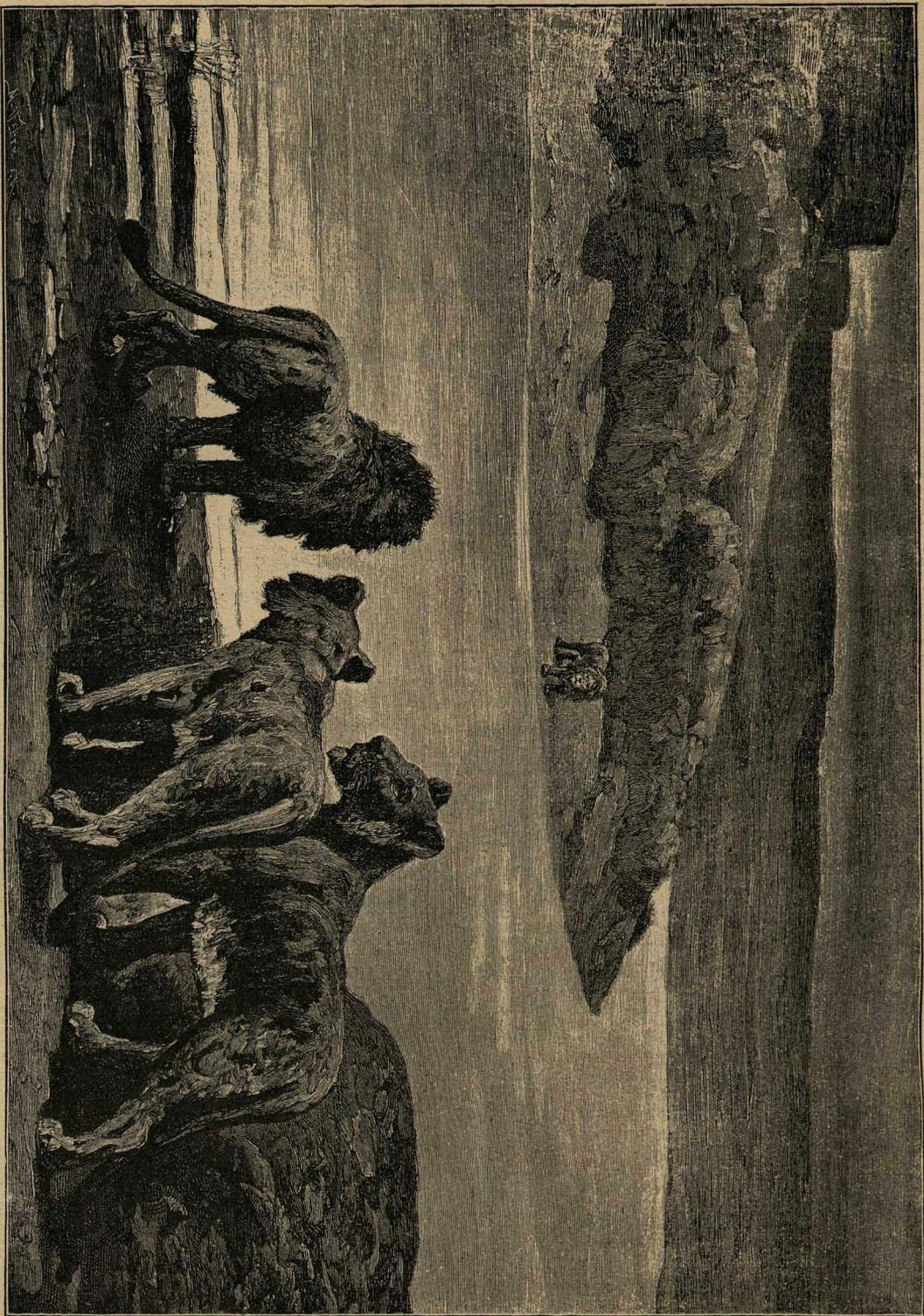
— Прощай, Иванъ! отвѣтилъ я.— Счастливаго тебѣ пути!

— Не поминайте лихомъ!..

И онъ вышелъ изъ кухни и зашагалъ къ воротамъ черезъ дворъ. Я долго еще видѣлъ его широкую спину сквозь частую сѣтку дождя и мнѣ было жаль и его, и его осиротѣвшаго Фильку и хотѣлось бѣжать за нимъ, приласкать его и вернуть его [назадъ]. Но онъ вышелъ за ворота и я съ грустью отошелъ отъ окна.

Больше я не видѣлъ его уже никогда.

Въ ту-же зиму я ѣздилъ съ папой въ городъ. Противъ насъ сидѣли въ вагонѣ какой-то сельскій батюшка и купецъ. Они вели между собою разговоръ. Оба были въ громадныхъ енотовыхъ шубахъ, во-

Львы на водопой въ Африкѣ.

Весной въ саду.

ротники съ которыхъ имъ свѣшивались чуть не до локтей. И я вспомнилъ разсказъ Ивана о томъ, какъ ловятъ енотовъ, вообразилъ себѣ испуганныя мордочки этихъ милыхъ звѣрьковъ и подумалъ:—

„Сколько ихъ погибло для однихъ только этихъ двухъ шубъ“!

А возвратившись затѣмъ изъ города въ усадьбу, я досталъ съ

полки отца словарь о животныхъ и подъ заглавiемъ „Енотъ“—прочиталъ: „Отечество енота—Америка, но вслѣдствiе постоянныхъ преслѣдованiй со стороны чело-вѣка, этотъ цѣнный звѣрь уже почти совсѣмъ истребленъ и тамъ“.

И мнѣ стало обидно, что чело-вѣкъ такъ неразсчетливъ и жестокъ.

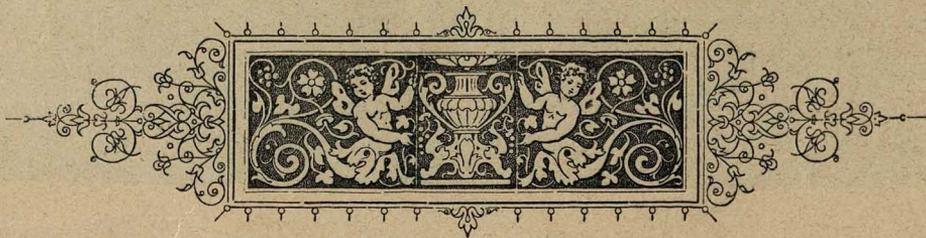
С. Вершининъ.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Какъ дышется славно, какъ свѣжи листочки!...
 Полоска небесъ межъ вѣтвями видна...
 Чуть дождикъ прошелъ,—не размякли и кочки,
 Но мутной водою канавка полна...
 Вотъ поднялся лютикъ, потряхнулъ головою,
 За нимъ поднялись и другiе цвѣты...
 Красуются ярко-зеленой листвою
 Береза, и клень, и поля, и кусты.
 Кленъ платье свое надо мной отряхаетъ
 И сыплетъ съ него за алмазомъ алмазь...
 Вотъ бабочекъ рой надъ цвѣтами порхаетъ,
 Взвились, закружились и скрылися съ глазъ...
 Пчела закачалась на розовой кашкѣ,
 Всѣ птички проснулись,—пѣнье и свистъ!..
 И солнышку рады цвѣты и букашки,
 И каждое деревцо, травка и листь!..

А. Н.

МАРУСЯ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Съ отъѣздомъ гувернантки жизнь для Маруси сразу перемѣнилась. Ей казалось, что стали иначе свѣтить солнце, иначе пахнуть цвѣты, что всѣ люди стали иначе къ ней относиться. И дѣйствительно, графиня уже ласкала ее, какъ родную дочь, графъ по прежнему былъ къ ней такъ-же внимателенъ, какъ и къ своимъ дѣтямъ, и даже Кити стала иною. Теперь она принимала уже участіе во всѣхъ играхъ, въ которыхъ участвовала и Маруся, онѣ вмѣстѣ бѣгали по парку и часто подолгу ходили, обнявшись по аллеямъ, повѣряя другъ другу свои секреты. Глядя на нихъ, маленькая Леночка прыгала, какъ коза, хлопала въ ладоши и часто восклицала:—

— Вотъ хорошо-то! Теперь мы обѣ вмѣстѣ всѣ вчетверомъ!

Вопросъ о наймѣ новой гувернантки такъ и остался открытымъ. Хотѣли было сдѣлать публикацію въ газетахъ или послать письмо къ пастору французской церкви, чтобы онъ рекомендовалъ гувернантку-французенку, но не сдѣлали ни того, ни другого, и рѣшили подождать до осени.

— Дѣтямъ надо будетъ начать учиться уже серьезно, сказалъ

графъ. — Кто знаетъ, сможетъ-ли гувернантка научить ихъ всему тому, что проходится въ гимназіяхъ и институтахъ? Подождемъ лучше до осени! Тамъ будетъ видно.

И дѣтямъ предоставлена была полная свобода: съ утра и до вечера они были на воздухѣ, играли въ крокетъ, ходили по грибы и по ягоды, а затѣмъ началась уборка хлѣба и они, какъ яркіе цвѣточки, пестрѣли то на одномъ полѣ, то на другомъ. Природа средней Россіи съ ея полями, лѣсами, нивами и рѣчками, съ ея голосистыми птицами и тихими поэтическими вечерами завладѣла всѣмъ Марусинымъ существомъ и ей стало казаться, что лучшаго уже не можетъ быть ничего. Бродя по росистымъ лугамъ, на которыхъ сочная, душистая трава доходила ей почти до пояса и кланялись ей милые полевые цвѣты, она вспоминала о выжженной солнцемъ Бердянской степи. Сидя на берегу извилистой, суетливой рѣчки, въ которой плескалась рыба и по берегамъ которой росли ивы и липы и отражались въ водѣ, и прислушиваясь къ трещанію неутомонныхъ лягушекъ, она вспоминала о зеле-

новато-сѣрой безжизненной глади Азовскаго моря, застывшаго подъ палящими лучами солнца. Бродя по лѣсу и собирая ягоды и грибы, попадавшіеся ей на каждомъ шагу, которыхъ никто не сѣялъ и не сажалъ, и слыша надъ собою щебетанье птицъ и веселый шелестъ листвы, она жадною грудью вдыхала въ себя аромать лѣса и вспоминала о голомъ, глинистомъ, рыжемъ берегѣ моря, на которомъ прикорнула деревенька Криничка. И всякій разъ какъ она думала при этомъ о далекой нянѣ и о ея ребятишкахъ, то ей сильно хотѣлось, чтобы они пріѣхали сюда и стали жить около нея. Самой-же ей возвращаться туда уже не хотѣлось вовсе.

„Вотъ только бы они всѣ были здѣсь со мною!“ думала она. — „Какъ-бы ихъ всѣхъ перетащить сюда!“.

И только одно облачко набѣгало на ея душу и наводило сумракъ на ея повеселѣвшую жизнь: Зачѣмъ уѣхала гувернантка? Что, если ей отказала отъ мѣста сама графиня? И не была-ли она, Маруся, причиной этого отъѣзда или отказа отъ мѣста? Она была увѣрена, что прошло-бы еще двѣ—три недѣли и все обошлось-бы благополучно. Луиза Карловна узнала-бы ее поближе, измѣнила-бы къ ней свои отношенія и — кто знаетъ?— быть можетъ даже и полюбила-бы ее, какъ любятъ теперь

ее всѣ! И эта мысль о гувернанткѣ заставляла Марусю хмуриться и обвинять въ ея отъѣздѣ только одну себя.

Пользуясь лѣтомъ, ходили въ лѣсъ каждый день. Ходили всѣ, всѣмъ домоу, и графъ, и графиня, и дѣти. Прислуга тоже отправлялась по грибы, но по утрамъ,— „по росѣ“. Грибовъ уродилось множество и ихъ приносили домой цѣлыми корзинами и возами. Всякій разъ какъ Маруся ложилась спать и закрывала глаза, передъ нею выростали цѣлыми семьями бѣлые грибы. Оказалось, что и остальные дѣти, засыпая, тоже видѣли передъ глазами грибы. По этому поводу каждый день смѣялись.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ въ лѣсъ, когда графиня осталась дома, а дѣти отстали отъ графа и шли одни, Максъ вдругъ насторожился и прислушался.

— Бѣжимте скорѣе! сказалъ онъ дѣвочкамъ и схватилъ Марусю за руку.

— А что? удивилась Маруся.

— Старая вѣдьма!!

— Вѣдьма?! Гдѣ?

— А вонъ смотри туда!

И онъ потащилъ за собою Марусю. Кити и Леночка въ страхѣ побѣжали за нимъ.

— Да въ чемъ дѣло? попробовала — было остановиться Маруся.— Объясни мнѣ скорѣе, какая вѣдьма?

— Тише!.. Тесе!.. погрозилъ ей

пальцемъ Максъ. — Говори потише, а то она услышитъ!

И дѣйствительно, изъ-за кустовъ вышла старуха, сгорбленная и сморщенная съ палкой въ рукѣ и съ вязанкой хвороста за плечами. Очевидно, она увидѣла графа, потому что сбросила съ плечъ хворостъ и стала грозить ему палкой. Графъ былъ далеко впереди и ея не слышалъ.

— О, безсовѣстный! закричала она. — Богъ тебя накажетъ! Будешь горѣть на томъ свѣтѣ въ аду! Забралъ все себѣ и доволенъ! Нѣтъ, Господь не попуститъ, чтобы бѣдныя сироты страдали! Онъ все выведетъ наружу!.. Дашь ты отвѣтъ на Страшномъ Судилищѣ Господнемъ!

Маруся увидѣла старуху, услышала ея слова и ей самой стало ея страшно. Когда дѣти отбѣжали отъ нея на почтительное разстояніе и перевели духъ, то она обернулась назадъ и долго еще прислушивалась. Старуха ее заинтересовала.

— Кто это? спросила она. — Что это она такое говорила?

— Да вотъ, видишь-ли, отвѣтилъ ей, нѣсколько смутившись, Максъ. — эта старуха была нянькой барона Зандерса, отъ котораго къ намъ перешло это имѣніе. Папа рассказывалъ, что когда мы приѣхали сюда изъ Петербурга, то она не захотѣла признавать его хозяиномъ, не отдавала ему ни отъ

чего ключей, говорила, что все это имѣніе принадлежитъ не ему съ мамой, а какому-то Игнашенькѣ и какой-то еще дѣвочкѣ, и дѣлала такіе скандалы, что папа принужденъ былъ выселить ее изъ усадьбы въ деревню. И вотъ теперь эта старая вѣдьма всякій разъ, какъ встрѣтится съ нами, начинаетъ насъ ругать: и такіе-то вы, и сякіе-то, и Богъ васъ накажетъ, и чтобы вамъ добра не было!..

— Максъ! вдругъ одернула его Кити. — Какія ты слова говоришь! Опомнись!

Максъ смутился, покраснѣлъ и замолчалъ.

Затѣмъ всѣ дѣти взяли за руки и побѣжали отыскивать отца.

Весь тотъ день и слѣдующій Маруся все думала о таинственной старухѣ. Почему она такъ угрожала графу? Что могли означать ея слова и сообщеніе Макса о какомъ-то Игнашенькѣ и дѣвочкѣ, которыхъ будто-бы обобрала графская семья? Кто этотъ Игнашенька? Кто эта дѣвочка? Гдѣ она теперь?

И полная мыслей объ этомъ Игнашенькѣ и дѣвочкѣ, которыхъ ея воображеніе рисовало ей, какъ сказочныхъ Ваню и Машу, она долго еще ходила по парку и дѣлала предположенія. Она задавала себѣ вопросы, но не получала на нихъ отвѣтовъ, и наконецъ утомилась и перестала ихъ себѣ задавать. А тѣмъ временемъ погода

круто измѣнилась, задулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья, стало вдругъ холодно и цѣлую недѣлю шелъ частый, мелкій, всепроникающій дождь. Выходить на воздухъ было неудобно и дѣти на цѣлые дни засѣли въ домѣ. Они играли, рисовали, бѣгали по корридорамъ, шумѣли и, чтобы имъ не было скучно, родители предоставили имъ полную свободу. Часто они забѣгали въ громадную библиотеку, оставшуюся еще послѣ покойнаго барона Зандерса, доставали изъ шкафовъ книги о звѣряхъ и о путешествіяхъ и разсматривали въ нихъ картинки и это было самымъ любимымъ занятіемъ для Маруси. Часто и въ другое время она заходила въ библиотеку и, глядя сквозь стекла шкафовъ на книги, читала заглавія на корешкахъ и онѣ казались ей живыми и ея пылкому воображенію представлялось, что каждая изъ нихъ можетъ заговорить и рассказать ей то, что въ ней было написано. И въ эти свои посѣщенія библиотеки она такъ изучила всѣ книги, что могла-бы безошибочно съ закрытыми глазами, указать, какая изъ нихъ въ какомъ именно переплетѣ и на какой именно полкѣ стоитъ. Иногда она просила позволенія у графини что-нибудь прочитать и тогда ей давали ключъ отъ шкафа съ дѣтскими книгами и отпирая его, она чувствовала себя среди близкихъ своихъ друзей и погру-

жалась въ чтеніе такъ, что не замѣчала уже вокругъ себя никого и ничего.

— Ну, наша Маруся опять увлеклась книгами! говорилъ о ней въ такія минуты графъ.— Должно быть, изъ нея выйдетъ писательница или ученая!

Послѣ дождливыхъ дней наступила опять превосходная солнечная погода. Воздухъ былъ такъ чистъ, что видно было все на далекое пространство. Небо было такое голубое и безоблачное, какъ на югѣ, и отъ цвѣтовъ шелъ такой аромать, что имъ наполнялись всѣ комнаты черезъ открытыя окна. Дѣти снова стали проводить время на воздухѣ и еще чаще ходили въ лѣсъ, потому что послѣ дождей грибовъ стало появляться еще больше.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ въ лѣсъ, когда дѣти были одни, безъ старшихъ, они снова услышали голосъ старухи. На этотъ разъ она стонала.

— Уйдемте скорѣе! Уйдемте! заторопила Кити и, схвативши Леночку за руку, убѣжала съ ней домой.

Маруся остановилась.

— Тамъ кто-то плачетъ!— сказала она.

Максъ схватилъ ее за локоть и тоже потянулъ ее къ дому.

— Да уйдемъ-же отсюда скорѣе, воскликнулъ онъ.— Развѣ ты не слышишь, что это—старуха?

Она серьезно на него посмотрѣла.

— Стыдись, Максъ! сказала она.— Тамъ кто-то плачетъ, а ты хочешь убѣжать, какъ трусъ!..

Онъ хотѣлъ было ей что-то отвѣтить, но въ это время издалека раздался голосъ Кити:

— Максъ! Максъ! Иди сюда скорѣе!

— Иди къ сестрамъ, обратилась къ нему Маруся.— Оставь меня одну. Я не боюсь! Проводи ихъ скорѣе домой.

— Но какъ-же ты останешься одна?

— Не безпокойся! Я и сама найду дорогу домой. Бѣги скорѣе къ сестрамъ. Онѣ испугались. Слышишь,—тебя зовутъ!

Максъ посмотрѣлъ то на нее, то въ ту сторону, откуда звали его Кити и Леночка, и долго не рѣшаясь, какъ ему поступить, бросился наконецъ къ сестрамъ. Маруся осталась одна. Стоны продолжались.

— Кто тамъ? спросила она.

Вмѣсто отвѣта кто-то застоналъ снова.

Она раздвинула вѣтви, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и увидѣла передъ собою старуху. Бѣдняга лежала на травѣ и большая вязанка хворосту прижимала ее къ землѣ. Маруся догадалась, что старуха упала подъ тяжестью ноши и не могла подняться.

Выросшая въ деревнѣ, въ про-

стой крестьянской средѣ, Маруся знала, какъ надо было поступить въ такихъ случаяхъ. Она подбѣжала къ старушкѣ, взяла ее за плечо и помогла ей приподняться.

— Вставай, бабушка! сказала она.— Обопрись о меня!

Старуха поднялась на рукахъ и поглядѣла на нее.

— А ты не изъ нихъ? спросила она.— Не изъ графскихъ?

— Нѣтъ, бабушка! отвѣтила Маруся.— Я имъ чужая!

Лицо старухи прояснилось.

— Ахъ, ты моя милая! сказала она.— То-то я вижу, что ты не здѣшняя и не убѣжала отъ меня прочь, а сама пришла мнѣ помочь. Благослови тебя, Господь! Охъ, старость не радость! Ноженьки мои стуженныя! Спинушка моя ломотная!

И, стоя и крехтя, старушка поднялась съ помощью Маруси на ноги и, изогнувшись подъ тяжестью своей ноши, стала продолжать свой путь.

— Бабушка, дай я тебя провожу, предложила ей Маруся.

Повидимому, давно уже отвыкшая отъ всякой ласки, старушка просіяла.

— Ангель ты Божій! воскликнула она.— Да тебѣ-ли меня провожать! Дойду и сама!

— Ничего, продолжала Маруся,— обопрись о меня и пойдемъ! Все-таки тебѣ будетъ легче!

И не дожидаясь, когда она это

— Бѣжимъ скорѣ! — сказалъ онъ и схватилъ Марусю за руку.

сдѣлаеть сама, дѣвочка подошла къ ней и подставила ей свое плечо. Старушка оперлась о него и такъ онъ и прошли вмѣстѣ до самой деревни.

На самомъ краю селенія стоялъ маленькій домикъ. Старушка отворила калитку и прошла во дворикъ.

— Зайди ко мнѣ, сударушка, обратилась она къ Марусѣ. — Посѣти меня, мой Ангелъ Божій!

Маруся вошла вслѣдъ за нею во дворикъ. Тамъ, позвякивая колокольчикомъ, ходила коза и пѣтухъ и двѣ его курицы рылись въ пучкѣ соломы. Вездѣ было чистенько и аккуратно. Старушка достала изъ кармана ключъ и отперла дверь въ избушку. Крехтя и крестясь, вошла она въ нее. Маруся послѣдовала за нею.

— Охъ-хо-хо!.. вздохнула старушка. — Грѣхи наши тяжкіе! Входишь къ себѣ, точно въ чужой домъ. Умрешь, — никто и не узнаеть, что умерла, некому будетъ за козой и курами приглядѣть! А смерть-то ужъ не за горами!.. Охъ-хо-хо-хо!..

— Развѣ у тебя, бабушка, никого нѣтъ родныхъ? спросила Маруся.

— Нѣтъ, красавица! отвѣтила старушка, опускаясь на лавку. — Никого никогда и не было! Охъ, ноженьки мои, ноженьки, спи-нушка моя ломотная! Такъ и гудуть, такъ и гудуть!.. Я съ молодости еще овдовѣла, милая ты моя, и была взята въ няньки къ покойному барону Зандерсу, царство ему небесное. Зандерсы — наши господа съ испоконъ вѣковъ и мы ихъ бывшіе крѣпостные...

— Господь не попуститъ, чтобы бѣдныя спроты страдали!

Маруся насто-
жилась...

— Думала вотъ,
что у нихъ и кости
свои сложу, про-
должала старушка,
— что у нихъ и
умру, — анъ вотъ
вышло иначе. При-
ѣхали вотъ эти са-
мые графы и вы-
гнали меня изъ до-
му!.. Ну, да имъ
Богъ за все запла-
титъ!

Марусѣ было тя-
жело слышать изъ

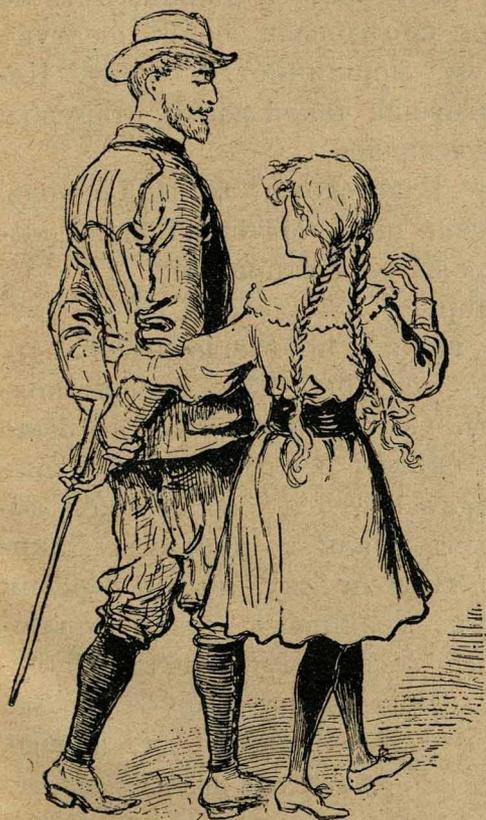

— Вставай, бабушка! Обопрись о меня!

устъ самой старушки, что гра-
фы Корницкіе были къ ней такъ
несправедливы. Она сѣла у окош-
ка и посмотрѣла изъ него на
улицу. Солнце уже садилось и все
было окрашено въ оранжевый
цвѣтъ. Пора была уже бѣжать
домой, потому что послѣ возвра-
щенія изъ лѣсу дѣтей, ея могли
хватиться и для старушки вышла
бы новая неприятность. И вдругъ
глаза ея упали на превосходные
фарфоровые севрскіе часы, стояв-
шіе на полочкѣ у иконы.

— А это что за часики? спро-
сила она, собираясь уходить.

— Это передалъ мнѣ самъ нашъ
покойный баронъ, отвѣчала ста-
рушка. — „Еремѣвна, сказалъ онъ
мнѣ, — возьми эти часы и храни
ихъ, какъ зѣницу ока. Передай
ихъ, сказалъ онъ, одной дѣвочкѣ,

— Ну, а часы ты видѣла у нея?

когда ей исполнится десять лѣтъ". И вотъ я берегу ихъ и все жду эту дѣвочку... Да видно такъ и не дождусь, умру... Эти-то, приѣзжіе, чужіе, хотѣли-было отнять ихъ у меня. Да я не отдала. Не отдавала имъ и ничего, да вотъ силой взяли! — „Уйдите, говорю, все это Игнашенькино, онъ одинъ Зандерсъ только и остался, не желаю васъ знать,—и больше ничего!“ А они мнѣ отвѣтили: — „Это все, моль, теперь наше, потому что послѣ барона завѣщанія не осталось и все теперь принадлежитъ намъ!“ Билась я, билась съ ними, да и добилась того, что они меня и саму-то изъ усадьбы выселили да вотъ и сослали сюда! Присылаютъ мнѣ кой чего, муки, да крупы, да я отъ нихъ не беру... Не хочу... Проживаю послѣднее, что оставилъ мнѣ баронъ...

Маруся слушала ее и весь ея разговоръ и все то, что она слышала раньше о ней и покойномъ баронѣ Зандерсѣ, приобрѣтало для нея теперь какой-то странный, фантастическій смыслъ. Этотъ неизвѣстный Игнашенька, какая-то дѣвочка десяти лѣтъ и эти удивительной работы фарфоровые часы казались ей героями какой-то сказки а, самая старушка доброй феей, которая вдругъ сразу, по мановенію волшебнаго жезла, можетъ превратиться въ молоденькую принцессу и сдѣлать многихъ счастливыми или же раз-

сказать что-нибудь такое, что будешь слушать и не наслушаешься никогда.

— Прощай, бабушка! сказала она и подошла къ Еремѣевнѣ.

— Уже уходишь? отвѣтила старушка.—Ну, прощай!.. Спасибо тебѣ, что зашла!

Маруся было жаль оставлять ее одну и что-то подсказывало ей, что эта одинокая старушка нуждается въ ласкѣ, въ тепломъ словѣ и что она страдаетъ только потому, что до сихъ поръ остается вѣрной своему слову и своимъ уже покойнымъ господамъ.

— Прощай, бабушка! повторила она еще разъ и обнявши ее за шею, поцѣловала ее въ желтую, сухую, морщинистую щеку. Неожидавшая такой ласки, старушка прослезилась.

— Благослови тебя, Господь! сказала она.—Матерь Божія, вознагради тебя сторицею!

Маруся поцѣловала ее въ другую щеку и побѣжала домой.

До усадьбы было версты полторы. Солнце уже сѣло, но было еще свѣтло, и слышно было, какъ мычалъ скотъ и блеяли овцы, которыхъ гнали ко дворамъ. Длинные тѣни потянулись отъ деревни и въ низинкахъ стали подниматься легкій, чуть замѣтный туманъ. Всю дорогу Маруся бѣжала бѣгомъ. Ей представлялось уже, какъ ее хватятъ дома, какъ во всѣ концы пошлютъ ее разыски-

вать и какъ изъ-за ея отсутствія выйдетъ непріятная исторія. Къ тому же скоро уже будутъ пить вечерній чай.

И она побѣжала еще скорѣе. Какъ вдругъ на поворотѣ дороги, тамъ, гдѣ она огибала крестьянскій березнякъ, Маруся увидѣла самого графа Корницкаго. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ шелъ ее разыскивать, потому что, увидавши ее, онъ радостно улынулся и заспѣшилъ ей на встрѣчу.

— Ты гдѣ же это, степная принцесса, изволила пропадать? обратился онъ къ ней тономъ легкой укоризны въ голосѣ. — Гдѣ ты была?

Маруся указала ему назадъ.

— Тамъ... отвѣтила она. — Въ деревнѣ!

Графъ нахмурился.

— Ты была у нея? спросилъ онъ. — Ты ходила къ старухѣ?

Она взяла его подъ руку и пошла рядомъ съ нимъ.

— Не сердись, дядечка, сказала она ласково. — Еремѣвна упала подъ тяжестью хвороста, я помогла ей подняться и проводила ее до дверей. Вѣдь нельзя-же было оставить старуху одну!

— И это ты сдѣлала сама?

— Ну, конечно! Я проводила ее, побыла у нея пять минутъ и пошла домой. Напрасно ты безпокоился и вышелъ меня встрѣчать!

— Да мы всѣ испугались за

тебя. Дѣти прибѣжали — лица на нихъ нѣтъ, говорятъ, что ты осталась въ лѣсу одна, — вотъ я и вышелъ тебя встрѣчать.

И, обнявши ее за плечи, онъ прижалъ ее къ себѣ и такъ они и продолжали свой путь, тѣсно прижавшись одинъ къ другому.

— Ты хорошо сдѣлала, что посѣтила эту несчастную старушку, сказалъ наконецъ послѣ долгаго молчанія графъ. — Она одинока, нуждается въ помощи, но положительо не хочетъ насъ признавать и принимать отъ насъ услуги. Она горда по своему и хочетъ до самой смерти оставаться вѣрной своимъ умершимъ господамъ... Ты должна время отъ времени навѣщать ее и кое что передавать ей отъ меня. Отъ тебя, вѣроятно, она возьметъ. Необходимо ее пожалѣть...

Марусѣ было пріятно это слышать. Значить, она не сдѣлала никакого преступленія, что задержалась такъ долго одна!

Они прошли еще сажень пятнадцать молча и вдругъ графъ задалъ неожиданный вопросъ:

— Ну, а часы ты видѣла у нея? Маруся вздрогнула.

— Да, отвѣтила она. — А что?

— Такъ, ничего... продолжалъ онъ. — Эти часы составляютъ для меня непонятную вещь. Мнѣ не хотѣлось-бы объ Еремѣвнѣ плохо думать. Вся наша прислуга, которая перешла къ намъ въ услуже-

ніе отъ покойнаго барона Зандерса, утверждаетъ, что эти фарфоровые часы находились у него всегда въ кабинетѣ. Когда-же мы пріѣхали сюда, то она присвоила ихъ себѣ. Я попробоваль-было ихъ у нея отобрать, но она, бѣдняга, сдѣлала цѣлый скандалъ. Но почему именно часы? Почему не какую-нибудь другую вещь, а именно часы? Конечно, я отступился и отдалъ ихъ старухѣ, но все таки въ этомъ есть что-то странное и таинственное! Я не могу себѣ представить, чтобы такая почтенная старушка, какъ Еремѣвна, которую ты видѣла, — и могла воровать. А часы настолько дороги сами по себѣ, что о нихъ всѣ тотчасъ-же стали говорить.

Онъ смолкъ. Весь остатокъ пути они прошли молча. Онъ думаль о чемъ-то своемъ, а у нея въ глазахъ все еще стояла избушка на краю селенія и въ ней—одинокая гордая старуха и таинственные фарфоровые часы, которые почему-то такъ занимали графа и такъ были дороги для нея самой.

Они возвратились домой какъ разъ къ вечернему чаю. Было тихо и тепло, летали жуки, трещали кузнечики и еще сильнѣе пахло цвѣтами, чѣмъ днемъ.

— Ну, нашъ садовникъ въ нынѣшнемъ году превзошелъ самъ себя! воскликнулъ графъ, выйдя на балконъ.—Кажется, всю ночь

простояль-бы такъ на воздухѣ и не ложился-бы спать.

Дѣти попросили позволенія поиграть въ палочку—выручалочку и еще долго слышались въ паркѣ ихъ голоса. Графъ взялъ графиню подъ руку и пошелъ съ нею въ дальнія аллеи погулять. Выходила большая красная луна.

Чтобы лучше спрятаться и не дать себя скоро найти, Маруся забѣжала въ глубину парка и сѣла въ кусты. Теперь ее долго не найдутъ, она неожиданно выскочитъ, побѣжитъ къ палочкѣ и выручитъ всѣхъ. И она стала прислушиваться къ голосамъ Кити, Макса и Леночки, чтобы судить по нимъ, когда надо будетъ выбѣгать изъ кустовъ и выручать. И вдругъ изъ сосѣдней аллеи до нея донесся явственный голосъ графини:

— Вѣдь мы получили все это имѣніе только потому, тихо говорила она, — что послѣ покойнаго барона не осталось духовнаго завѣщанія!.. А что, если оно найдется? Что, если вдругъ явится кто-нибудь другой, предъявитъ духовное завѣщаніе барона и выгонитъ насъ изъ уже насиженнаго нами гнѣзда?

Сердце у Маруси забилося. Она слышала весь разговоръ отъ слова до слова и не знала, что ей дѣлать. Она знала, что подслушивать было не хорошо, но въ тоже время и выскочить сейчасъ изъ кустовъ значило-бы поставить гра-

фа и графиню въ неловкое положеніе. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ она забѣжала такъ далеко!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! отвѣчалъ ей графъ. — Возможность существованія гдѣ нибудь этого завѣщанія ни на одну минуту не выходитъ у меня изъ головы. Вѣдь мы не украли этого имѣнія. Ты получила его по закону и мы владемъ имъ по праву. И вдругъ явится какой нибудь Игнашенька и тогда...

Графъ не окончилъ своей фразы.

— Ну, а что дѣлаетъ старуха? спросила графиня. — Не хранитъ ли она духовнаго завѣщанія у себя и не поджидаетъ ли возвращенія сюда этого негодяя Игнатія, чтобы отдать его ему?

— Не знаю... отвѣтилъ графъ. — Все это очень темно.. Такъ-же темна исторія и съ этими Севрскими часами.. Однимъ словомъ, въ одинъ прекрасный день мы можемъ оказаться нищими!..

У Маруси забилось сердце и все помутилось въ глазахъ. „Негодяй“ Игнатій, часы, старуха, духовное завѣщаніе, возможность для этихъ

близкихъ для нея людей оказаться нищими— все это закружилось у нея въ головѣ и она схватилась за грудь и едва переводила дыханіе. Графъ и графиня были уже далеко, по прежнему летали жуки и трещали кузнечики, а она сидѣла въ кустахъ и никакъ не могла придти отъ волненія въ себя.

Ма-ру-ся! доносились до нея крики дѣтей. — Да иди-же сюда! Выбѣгай! Гдѣ ты спряталась? Уже пора!

Она слышала эти голоса, не знала, что на нихъ отвѣтить, а потомъ собралась съ силами, выскочила изъ кустовъ, побѣжала къ дому, схватила палочку и три раза стукнула ею о скамью.

— Выручила всѣхъ!! громко воскликнула она и, боясь, какъ бы кто-нибудь по ея лицу не догадался объ ея тайнѣ, она весело и раскатисто засмѣялась.

Но смѣхъ показался ей фальшивымъ, она сказала, что уже поздно и что она устала, и, поцѣловавъ наскоро дѣтей, она убѣжала къ себѣ въ комнату и заперлась.

К. Тр.

(Продолженіе слѣдуетъ).

❁ ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ. ❁

Все давно заснуло. Тополей высокихъ
 Спать у бѣлыхъ хатокъ темные ряды,
 Всколыхнуло вѣтромъ заросли осоки,
 Тихо зашептали вербы у воды.
 Вотъ луна поднялась изъ-за частокола
 И плыветъ тихонько мимо спящихъ хатъ.
 Что-то шепчутъ липы. Сладкой метеолы
 Въ воздухѣ несется нѣжный ароматъ.
 У плетня бѣлѣетъ рядъ зацвѣтшихъ вишенъ,
 Вѣтерокъ игривый чуть колышетъ листь,
 Крикнули лягушки. И изъ роуи слышенъ
 Соловиныхъ пѣсенъ рокоть, трель и свистъ.

Е. Селунская.

ИСТОРИИ О СОБАКАХЪ.

1. Валька.

Въ полуверстѣ отъ усадьбы, у самой дороги, находились выселки изъ четырехъ дворовъ. Въ одномъ изъ нихъ, въ старой, покосившейся избушкѣ, жилъ одинокій мужикъ Егоръ. Онъ былъ охотникъ и у него была собака Валька какой-то некрасивой, смѣшанной породы, худая и вѣчно голодная, на которой ключьями висѣла свалявшаяся шерсть. Когда она не была со своимъ хозяиномъ на охотѣ, то ее можно было видѣть, въ различныхъ мѣстахъ, такъ какъ, добывая себѣ пропитаніе, она бѣгала далеко отъ дома и часто возвращалась ни съ чѣмъ. Егоръ ее не кормилъ. За всѣ четыре года, пока она жила на свѣтѣ, ея жизнь была полна безысходнаго горя и лишеній и ни

одинъ разъ она не испытала ласки. Ея хозяинъ былъ безземельный мужикъ, не пахавшій землю и жившій только тѣмъ, что убьетъ на охотѣ и продастъ. У него былъ плохой нравъ, онъ часто безъ всякаго повода набрасывался на Вальку и ни за что ни про что вымещалъ на ней свой гнѣвъ. Раза два, когда она не сумѣла отыскать въ болотѣ подстрѣленную имъ дичь и принести ее къ нему, онъ чуть было не убилъ ее и она отлично помнила эти дни. Отъ полученныхъ ею тогда побоевъ она еле добрела домой и долго потомъ лежала въ своей конурѣ и ничего не ѣла.

И вдругъ Господь послалъ ей радость: у нея появились щенки! Точно это было для нея наградою

за всѣ ея страданія и за всѣ несправедливости и пинки, которые она получала отъ Егора. Ласково подобравъ подъ себя всѣхъ своихъ четырехъ щенковъ, она лизала ихъ и старалась согрѣть теплотою своего тѣла. Она устроила себѣ гнѣздо въ ящикѣ изъ подъ кухоннаго мыла, разбитомъ и валявшемся въ хлѣву въ уголку. По выраженію ея глазъ можно было судить, что эти щенятки были для нея дороже всего на свѣтѣ, хотя были такъ-же непородисты и некрасивы, какъ и она сама. Она сидѣла у себя въ ящикѣ, старалась поближе пододвинуть къ себѣ своихъ дѣтей, была счастлива и, по видимому, не желала больше ничего.

Было раннее утро. Проснулись птицы, свѣтило солнце и его лучи, проникая сквозь щели въ хлѣвъ, тянулись длинными снопами сквозь сумерки и круглыми пятнами отражались на противоположной стѣнѣ. Валька забралась сюда еще съ вечера, но вѣтромъ захлопнуло ночью дверь и она сидѣла теперь въ полумракѣ одна и была довольна, что ее не беспокоилъ никто.

Какъ вдругъ дверь въ хлѣвъ отворилась и на порогѣ показалась чья-то фигура. Валька съ безпокойствомъ на нее заворчала.

— Эй, Валька! Фюйт! раздался вдругъ голосъ Егора. — Идемъ на охоту!

Ей было совѣстно, что она не узнала своего хозяина, и она виновата захлопала хвостомъ о стѣнку ящика.

— Что ты тамъ сидишь? крикнулъ онъ. — Иди сюда!

Она снова захлопала о ящикъ хвостомъ.

Онъ подошелъ къ ней и нагнулся, чтобы лучше разсмотрѣть.

— А, у тебя щенки? проговорилъ онъ. — Покорнѣйше благодарю!

И онъ взялъ одного изъ нихъ за шкурку на спинѣ и поднесъ къ глазамъ. Она подумала, что онъ хотѣлъ его взять совсѣмъ, и заворчала.

— Какъ? На меня? воскликнулъ хозяинъ. — Да какъ-же ты смѣешь?

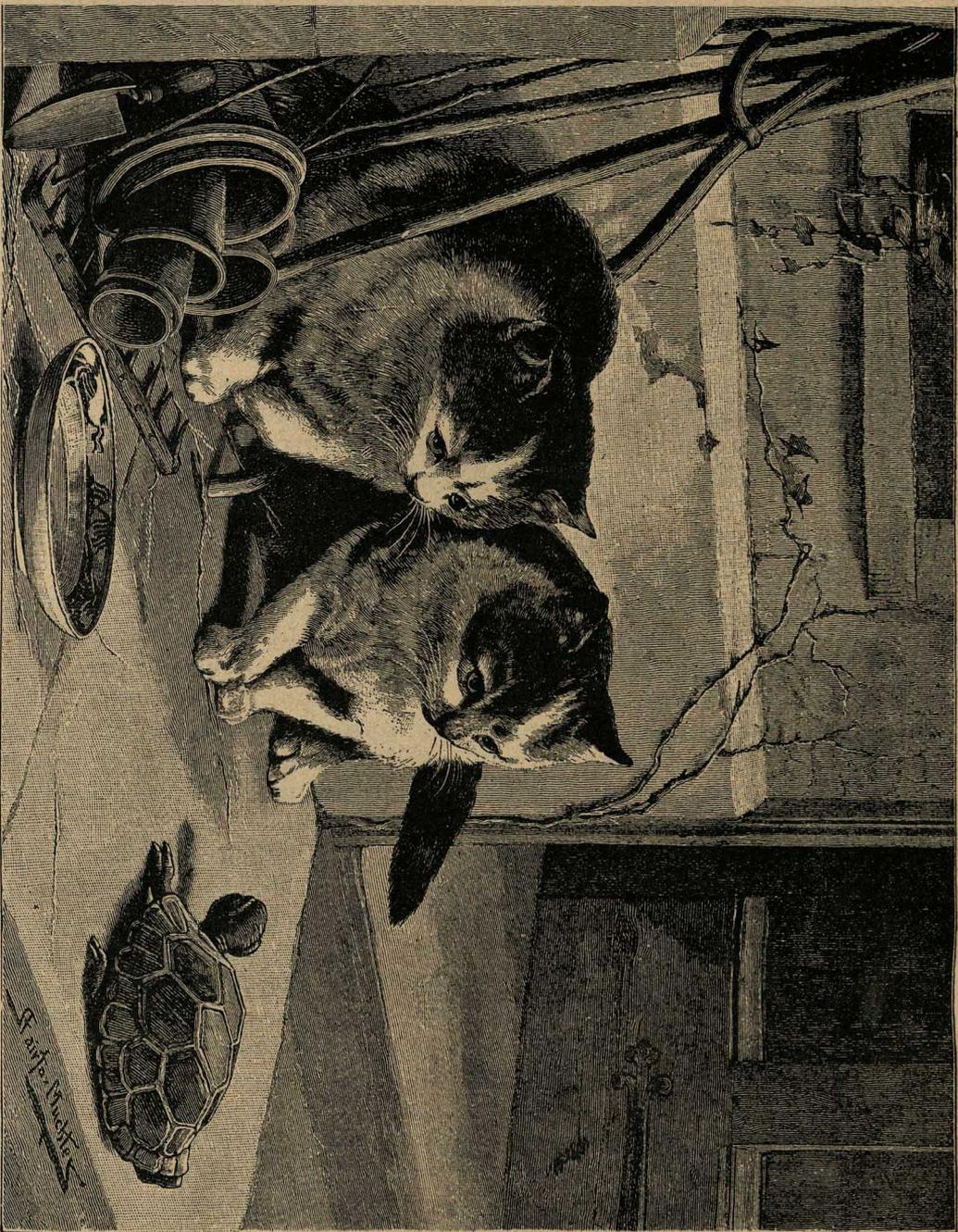
Быть можетъ, въ другое время онъ отнесся-бы къ этому иначе, но сегодня съ утра онъ былъ не въ духѣ, ему хотѣлось хоть на комъ-нибудь выместить досаду и, бросивъ щенка обратно къ собакамъ, онъ крупными шагами вышелъ изъ хлѣва.

Черезъ двѣ минуты онъ пришелъ опять и принесъ съ собою мѣшокъ.

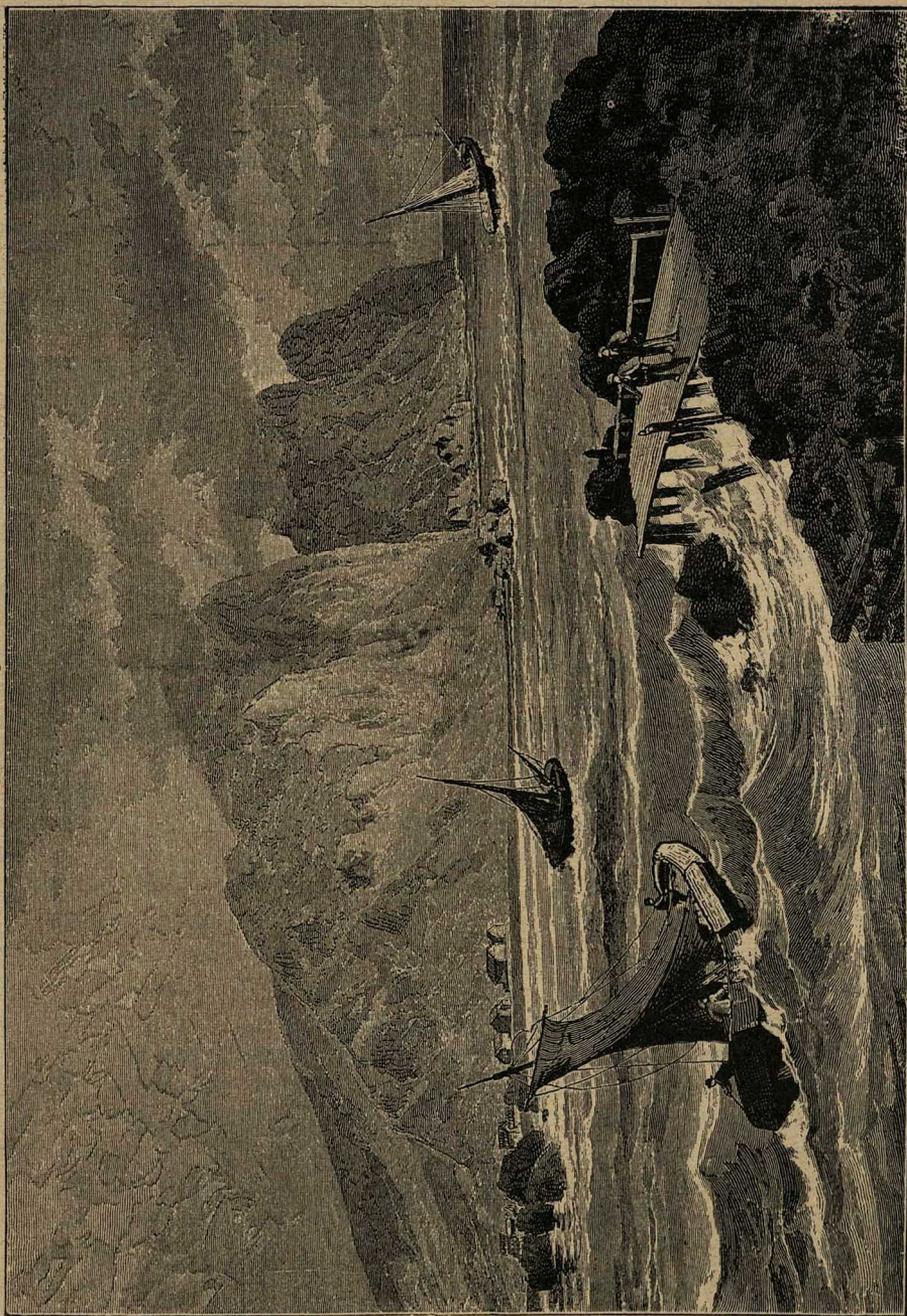
— Очень мнѣ нужно васъ такую пропасть, проворчалъ онъ, — когда и самому-то нечего ѣсть!

И быстро, не обративъ никакого вниманія на Вальку, онъ схватилъ изъ подъ нея одного за другимъ всѣхъ ея щенятъ и бросилъ ихъ въ мѣшокъ.

Ужасъ и безпокойство засвѣтились въ глазахъ у Вальки. Поджавъ хвостъ и заскуливъ, она выпрыгнула изъ ящика и послѣдовала за хозяиномъ. Онъ ткнулъ ее ногою въ бокъ съ такою силой, что она отлетѣла обратно въ уголокъ, вышелъ изъ хлѣва и заперъ за собою дверь. Валька осталась одна. Она кинулась къ двери, стала царапаться въ нее, но она оказалась запертой на задвижку и не подавалась подъ ея лапами. Тогда она заметалась по хлѣву, ища изъ него выхода, стала грызть бревна и косятъ и, убѣдившись, что ей уже

— Это еще что за зверь!?

У береговъ Норвегій.

не выйти изъ хлѣва и не догнать своего хозяина, подняла голову кверху и громко и жалобно завывала.

А Егоръ вышелъ со щенками въ поле, пошелъ по дорогѣ и все время приговаривалъ:—Вотъ я ихъ сейчасъ всѣхъ!.. Я имъ покажу!..

Передъ нимъ растилалось широкое поле, съ одной стороны котораго виднѣлся лѣсъ, а съ другой — краснѣли ворота барской усадьбы. Онъ шелъ къ лѣсу, самъ не зная, для чего, и когда прошелъ уже половину пути, то остановился и немного подумалъ.

— Э, да ну ихъ къ лѣшему! проворчалъ онъ.—Ходить еще изъ-за нихъ!

И, подойдя къ канавѣ, онъ развязалъ мѣшокъ, взялъ его за два угла и вытряхнулъ изъ него щенятъ. Они упали въ канаву, запищали, а онъ такими-же широкими шагами пошелъ къ себѣ домой.

Возвратясь къ себѣ, онъ взялъ ружье, вошелъ къ Валькѣ въ хлѣвъ, привязалъ ей за шею веревку и потянулъ ее съ собою на охоту.

— Нечего тутъ!.. ворчалъ онъ.— Надо зарабатывать на хлѣбъ!

Она сначала упиралась, не хотѣла за нимъ идти, а потомъ понявъ, что всякое сопротивленіе было-бы бесполезно, въ нѣмомъ отчаяніи послѣдовала за нимъ и скоро скрылась изъ виду, когда онъ ввелъ ее въ далекіе кусты.

Розовое платье мелкнуло вдали, когда онъ проходилъ мимо лѣса. Это была Вѣрочка, барышня изъ усадьбы, дѣвочка лѣтъ десяти. Онъ узналъ ее, приподнялъ передъ ней фуражку и пошелъ своей дорогой.

— Здравствуй, Егоръ! крикнула она ему вслѣдъ.

Вѣрочка возвращалась въ усадьбу изъ лѣса, въ которомъ собирала грибы. Проходя мимо канавы, въ которую Егоръ вытряхнулъ щенятъ, она услышала ихъ жалобный пискъ и долго прислушивалась, откуда онъ исходитъ. Понявъ, затѣмъ, что это изъ канавы, она нагнулась и увидела, что это были совсѣмъ еще маленькіе щенки, еще слѣпые. Она спрыгнула къ нимъ въ канаву, присѣла на корточки и долго смотрѣла, какъ они ползали брюшками прямо по влажной землѣ и тыкались мордочками одинъ въ другого, очевидно разыскивая свою мать.

— Бѣдненькіе!.. прошептала она.

Было жаркое утро, солнце палило прямо на щенятъ и видно было, что они изнемогали отъ жажды и тщетно искали мать.

Вѣрочка долго глядѣла на нихъ, погладила ихъ и вдругъ сердце ея наполнилось радостью. Какъ это она не догадалась сдѣлать этого тотчасъ-же? Она возьметъ всѣхъ этихъ щенятъ съ собою, воспитааетъ ихъ и они вырастутъ большіе и будутъ современемъ съ нею играть!

И высыпавъ изъ корзины грибы, она положила въ нее щенятъ и со всѣхъ ногъ побѣжала къ себѣ въ усадьбу.

— Я выкормлю ихъ и они будутъ моими! мечтала она и всю дорогу думала о нихъ и они представлялись ей уже большими и красивыми собаками, неотступно слѣдовавшими за нею и угадывавшими каждое ея, даже малѣйшее, желаніе.—Я буду съ ними играть!

Она была одна, росла въ обществѣ взрослыхъ, и цѣлые дни проводила или съ домашними животными, или же сидѣла на лавочкѣ

въ саду и мечтала о томъ, какъ вырастетъ большая, будетъ учиться въ гимназiи и имѣть много подругъ. Ея мать сознавала, что она была одинока и скучала, и старалась предоставить ей побольше свободы, чтобы она не такъ чувствовала, что была одна. Кругомъ было тихо, вездѣ было спокойно, всѣ поля и лѣса были знакомы, какъ пять пальцевъ, а потому Вѣрочку отпускали въ лѣсъ одну и нисколько не боялись, когда она запаздывала на полчаса, или даже на часъ. Вотъ почему не хватились ея и теперь, когда она, возвратившись изъ лѣса, еще долго не приходила домой, занявшись со своею находкой.

— Пусть ее! говорили о ней ея няня и мать.—Скоро ѣхать въ городъ учиться... Тамъ ужъ будетъ не до лѣса и не до грибовъ!

Прибѣжавъ домой, Вѣрочка достала старое рѣшето съ сѣномъ, въ которомъ курица только-что передъ этимъ вывела цыплятъ, и положила его въ сарайчикъ въ уголку. Устроивъ его поудобнѣе, она помѣстила въ немъ щенковъ.

— Вотъ такъ!.. сказала она.—Здѣсь васъ не тронетъ никто! Лежите!

Затѣмъ она сбѣгала за молокомъ, налила его въ жестяночку и поставила передъ щенками.

— Пейте! сказала она и сѣла къ сторонкѣ.

Но щенки жалобно пищали, разыскивали свою мать и беспомощно копошились въ гнѣздѣ. Тогда она каждаго изъ нихъ взяла въ руку и ткнула мордочкой въ молоко. Щенки не поняли, въ чемъ дѣло, даже не облизнулись, и продолжали пищать. Это ее испугало.

— Что-же мнѣ съ вами дѣлать? спросила она.—Пейте!

Она еще и еще разъ обмакнула ихъ мордочки въ молоко, постаралась влить имъ молока въ ротъ, но и изъ этого не вышло ничего. Щенятки были настолько еще малы и слабы, что могли только сосать.

Весь день Вѣрочка ходила по усадьбѣ то радостная, что у нея есть своя тайна, о которой еще не зналъ никто, а то печальная, что щенки не ѣли ничего и могли скоро умереть. Она все думала о нихъ, отвѣчала не впопадъ, совершенно не соображала, что ѣла и пила, и каждая пять минутъ бѣгала въ сарайчикъ, чтобы лишній разъ взглянуть на щенятъ. Сперва они пищали громко, а затѣмъ ихъ голоса стали все болѣе и болѣе ослабѣвать и къ концу дня они уже лежали, чуть двигаясь, и уже не пищали и, повидимому, уже умирали отъ жажды. Это надрывало сердце Вѣрочкѣ.

— Ну, что мнѣ съ ними дѣлать? говорила она.—Боженька, помоги мнѣ, научи меня, какъ мнѣ ихъ накормить?

А время все шло и шло и чѣмъ ближе солнце склонялось къ закату, тѣмъ положенiе щенковъ становилось все безнадежнѣе и хуже.

Вѣрочка хотѣла обратиться за помощью къ мамѣ, къ нянѣ или къ дворнику Ивану, но боялась, что они вовсе запретятъ ей держать щенковъ въ усадьбѣ, въ которой и безъ того было много собакъ, и прикажутъ подпаску Сенькѣ или снова бросить ихъ въ канаву, откуда она ихъ взяла, или-же просто утопить ихъ въ ведрѣ. Но

подъ конецъ она не удержалась и рѣшила рискнуть.

— А что, мама, обратилась она къ матери и постаралась придать себѣ спокойный видъ и своему голосу равнодушный тонъ, — могутъ маленькіе щеночки жить одни, безъ матери?

— Судя по тому, насколько они малы, отвѣтила мама. — А что?

— Такъ, ничего... А если они еще слѣпые?

— Ну, слѣпые-то во всякомъ случаѣ погибаютъ!

Вѣрочка почувствовала, какъ что-то острое кольнуло ее въ самое сердце. Неужели-же ея щенятки умрутъ? Неужели нѣтъ средствъ спасти имъ жизнь и выкормить ихъ хотя-бы изъ рожка, какъ это дѣлаютъ съ маленькими, грудными дѣтьми?

И она въ послѣдній разъ отправилась къ нимъ въ сарайчикъ. Теперь всѣ они лежали неподвижно и уже не пищали совсѣмъ. Она потрогала ихъ, они чуть-чуть пошевелились, но такъ слабо, что другой едва-бы это замѣтилъ. Было сумрачно, въ сосѣднемъ курятникѣ куры укладывались уже на покой и слышно было, какъ онѣ между собой разговаривали, въ конюшнѣ громко жевали свѣжую траву лошади, уже возвратившіяся съ полевыхъ работъ, и гдѣ-то въ углу жалобно жужжала муха, попавшая пауку на обѣдъ. Было грустно, какъ и всегда бываетъ въ сумерки, а для Вѣрочки эта грусть увеличивалась еще и тѣмъ, что съ наступленіемъ вечера должна была уже рѣшиться и участь ея щенятъ. Они не ѣли уже цѣлый день, ночью она къ нимъ не придетъ, а къ утру, а можетъ быть еще и раньше, они

разстанутся съ жизнью уже совсѣмъ.

— Бѣдненькіе щенятки!.. прошептала она и слезы навернулись у нея на глаза. — Что мнѣ съ вами дѣлать?

Она попробовала — было покормить ихъ въ послѣдній разъ, но изъ этого опять не вышло ничего и полная досады на себя, и на того человѣка, который выбросилъ этихъ несчастныхъ щенятъ въ канаву, она вышла изъ сарайчика и печально побрела по усадьбѣ. Дойдя до воротъ, она выглянула въ поле. Вонъ на горизонтѣ тотъ лѣсъ, въ которомъ сегодня утромъ она собирала грибы, вотъ сѣрою лентой вьется дорога и убѣгаетъ куда-то далеко-далеко и теряется въ кустахъ, въ которыхъ Вѣрочка никогда еще не была. На горизонтѣ протянулась красная полоса заката, по которой стояли похажія на гаснушіе уголья облачка и на сѣромъ небѣ виднѣлся тоненькій, изящный серпъ молодой луны. Далеко во ржи стучали перепела и гдѣ-то въ вышинѣ невидимый жаворонокъ еще продолжалъ свою запоздавшую пѣсню.

Вѣрочка постояла немного у воротъ и, полная грусти, побрела въ поле. Кругомъ было тихо и спокойно, все было знакомо и, какъ дѣвочка, родившаяся и выросшая въ деревнѣ, она не боялась выходить въ поле одна и не смущалась одиночества и темноты.

„Чѣмъ-бы мнѣ ихъ покормить? думала она. — Какъ бы мнѣ ихъ спасти?“

И она все шла и шла.

Около восьми часовъ вечера Егоръ вернулся съ охоты. Онъ не убилъ ничего, даромъ только по-

тратилъ время и, конечно, вымещалъ на собакѣ то, что она плохо выслѣживала дичь и каждую минуту порывалась бѣжать домой.

— Вотъ подожди!.. ворчалъ онъ дорогой. — Вернемся домой, такъ я тебѣ покажу!..

Онъ привелъ ее на веревкѣ домой, но она вырвалась и стрѣлой помчалась въ поле. Низко опустивъ морду къ землѣ, она бѣгала взадъ и впередъ, описывая круги, и иногда, останавливаясь, долго нюхала, воздухъ и затѣмъ снова начинала бѣгать. Было несомнѣнно, что она отыскивала своихъ щенятъ. Раза два или три она прибѣгала къ тому мѣсту, гдѣ они лежали въ канавѣ, обнюхивала его и, поднявши голову кверху, жалобно и протяжно выла. Она чуяла, что ихъ кто-то оттуда взялъ и унесъ, но съ утра уже успѣли остыть Вѣрочкины слѣды и Валька бѣгала взадъ и впередъ, отыскивала ихъ, скулила и ничего не могла понять. Неужели-же она должна была вернуться домой безъ щенятъ? Неужели они пропали совсѣмъ?

Закатъ уже погасъ, сѣрые сумерки спустились на землю и все, что было на горизонтѣ, утонуло уже въ дымкѣ наступившаго вечера. Вѣрочка шла по полю, понуривъ голову, щенки не выходили у нея изъ ума и она шла уже къ себѣ домой въ усадьбу и боялась въ нее придти, чтобы только не застать своихъ питомцевъ мертвыми. Какъ вдругъ около нея появилась какая-то черная, лохматая собака. Чья она? Не укуситъ-ли она ее?

Вѣрочка смутилась и не знала, что ей дѣлать. Собака остановилась совсѣмъ близко около нея и

поджала хвостъ. По ея угрюмому виду Вѣрочка догадалась, что она не укуситъ, и протянула къ ней руку.

— Поди сюда!.. ласково обратилась она къ ней. — Ты чья?

Никогда не испытывавшая ласки, Валька легла на брюхо и подползла къ Вѣрочкѣ. Жалобно скуля, она повернулась около ея ногъ, поглядѣла на нее грустными глазами, отъ которыхъ шли слезы по ея собачьимъ щекамъ, а затѣмъ легла на спину и обнажила передъ Вѣрочкой всѣ свои и грудь, и брюхо, какъ это дѣлаютъ собаки въ минуты особаго довѣрія къ человеку, какъ бы желая этимъ сказать:

— Дѣлай со мною, что хочешь. Я вся принадлежу тебѣ.

Вѣрочка приласкала ее и по обрывку веревки, висѣвшему у Вальки на шеѣ, догадалась, что собака была на привязи и отъ кого-то убѣжала. Значить, ей не сладко жилось у своего хозяина! И она хотѣла-было поманить ее къ себѣ въ усадьбу, чтобы дать ей поѣсть, какъ вдругъ счастливая мысль осѣнила ей голову. Что, если она возьметъ эту собаку и отведетъ ее къ своимъ щенкамъ? Не согласится-ли она ихъ покормить? Не спасетъ-ли она этимъ четыре несчастныя созданія, которыя лежатъ теперь недвижимо въ сарайчикѣ въ куриномъ гнѣздѣ и изнемогаютъ отъ голода и жажды?

И полная радости отъ своей затѣи и не желая больше ждать и соображать, она схватила Вальку за обрывокъ веревки и потянула ее за собой.

— Пойдемъ! сказала она. — Ты мнѣ нужна!

Валька послушно послѣдовала за ней.

Двадцать минутъ спустя, они были уже въ темномъ сарайчикѣ. По прежнему слышалось жеванье лошадей, но куры уже притихли, и во всей усадьбѣ стояла тишина. Было темно, но, приглядѣвшись, можно еще было увидѣть и старое рѣшето въ углу, и на немъ четыре маленькія тѣльца, лежавшія недвижимо одно на другомъ.

Живы-ли еще щенки? Или, быть можетъ, они еще лежатъ только въ забытѣ и очнутся, когда ихъ обласкаетъ ихъ мать?

И боясь, какъ-бы не получить разочарованія, Вѣрочка переступила черезъ порогъ сарайчика и потянула за собой и Вальку.

— Пойди сюда! сказала она. — Сядь здѣсь и покорми ихъ!.. Видишь, они умираютъ?

Собака посмотрѣла на нее, потомъ на щенковъ, обнюхала ихъ и вдругъ громко и протяжно завывла. Затѣмъ она помѣстилась въ уголъ, подгрела подъ себя своихъ щенятъ, стала ихъ лизать и скулить и по тому, какъ она себя вдругъ повела, Вѣрочка поняла, что она не броситъ щенятъ и не убѣжитъ. И безумная, дѣтская ра-

дость наполнила вдругъ все ея существо. Она присѣла на корточки около собаки и стала смотрѣть, какъ одинъ за другимъ стали оживать щенки и какъ закопошились около своей матери и запищали, жадно всасывая въ себя ея молоко. А Валька лежала въ уголку, смотрѣла благодарными глазами на Вѣрочку и въ первый разъ за всю свою скорбную жизнь была счастлива и не желала больше ничего.

— Вѣрочка! слышался вдругъ съ террасы голосъ мамы. — Гдѣ ты? Иди сюда?

— Я здѣсь, мама! крикнула ей Вѣрочка въ отвѣтъ. — Сейчасъ приду!

Отъ неожиданнаго, громкаго отвѣта дѣвочки, собака вздрогнула и виновато захлопала хвостомъ. Вѣрочка замѣтила это и потрепала ее по спинѣ.

— Ничего, ничего... заговорила она. — Не бойся! Сиди! Здѣсь тебя не тронетъ никто! Ты останешься у насъ навсегда. Я сейчасъ пришлю тебѣ поѣсть.

И довольная, что такъ хорошо устроилась судьба ея щенятъ, Вѣрочка побѣжала со всѣхъ ногъ домой и стала рассказывать матери обо всемъ, что произошло.

М. Б—скій.

ГОЛОВЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, означающія:

- 1., душистый, кислый фруктъ.
- 2., листовенное дерево, которое принято называть горькимъ.
- 3., домашнюю птицу.

Взять отъ перваго слова первый

слогъ, отъ втораго—второй и отъ третьяго—третій и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ хитраго, хищнаго звѣря.

II.

Названія двухъ подмосковныхъ

городовъ поставлены рядомъ и состоятъ, оба вмѣстѣ, изъ тринадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13.

Буквы 5. 1. 9. 3. 13 означаютъ названіе мебели, 8. 6. 7. 11 — то, чѣмъ пишутъ, 9. 10. 11 — часть головы, 1. 7. 2. 5. 13 — того, кто боится, 5. 1. 7. 4. 10. 13 — то, что испытываетъ тотъ, кто боится, 10. 9. 1. 11. 7. 13 — небольшое имѣніе, 12. 6. 7. 5. 1. 4 — мѣру длины, 11. 4. 3. 4. 1. 13 — утреннюю одежду, 8. 7. 11. 5. 11 — хлѣбный знакъ, 12.

Рѣшеніе головоломкѣ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 9 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) Мужикъ по дорогѣ разбилъ четверть. II) Коль + кость. III) Колесо, перо, собака = сорока.

Ребусъ № 9. Око + лобъ + очки + сто + яла + лошадь + и + пила + воду = Около бочки стояла лошадь и пила воду.

Рѣшеніе ребуса № 10, помѣщенного въ № 10 „Золотого Дѣтства“. По + до + рога + ф + п + ромъ + ча + лось + ста + до + лошадь + ей + иг + ромъ + коза + р + жало = По дорогѣ промчалось стадо лошадей и громко заржало.

Върныя рѣшенія прислали: Саша Спекторъ, Саша Богомоловъ, Лена Павловъ и Аня Тарасова изъ Белебея, Ирина и Юра Беренсъ, Мэри и Саша Иностранцевы, Наталія Толстая, Кто-то безъ подписи, Шурикъ и Людочка Лѣсковы въ Спб., Шурикъ Остенъ изъ Почевѣжа, Жена Радинъ въ Спб., Нина Русакова, Нина Метлина, Георгій Розенбергъ, Анаида и Грета Поповы, Володя и Муся Визд, Лея Наумова, Коля Михайловъ въ Спб., Стеяла Шостаковская, Пава и Сережа Лисенко изъ Елисаветполя, Галя и Витя Козловы изъ Могилева, Нина Тифлова, Коля Кошталовъ, Шура и Паля Соловьева изъ Пскова, Дончикъ Суперъ, Галя Терновская изъ Шишкина, Таня и Люля Романовы изъ Пскова, Лена Юрасовъ, Леша Пылаевъ изъ Митавы, Соня Фрискъ, Игорь Максимовъ, Таня Слюжинская, Кто-то безъ подписи, Котикъ Марсовъ, Ксения и Толя Андреевы изъ Чернаго-Яра,

11. 7. 11. 1. 4 — принадлежность двора, 8. 4. 5. 1. 9. 10. 13 — лицо, необходимое въ деревнѣ.

Какія это слова и названія какихъ городовъ задуманы?

Шуточные вопросы.

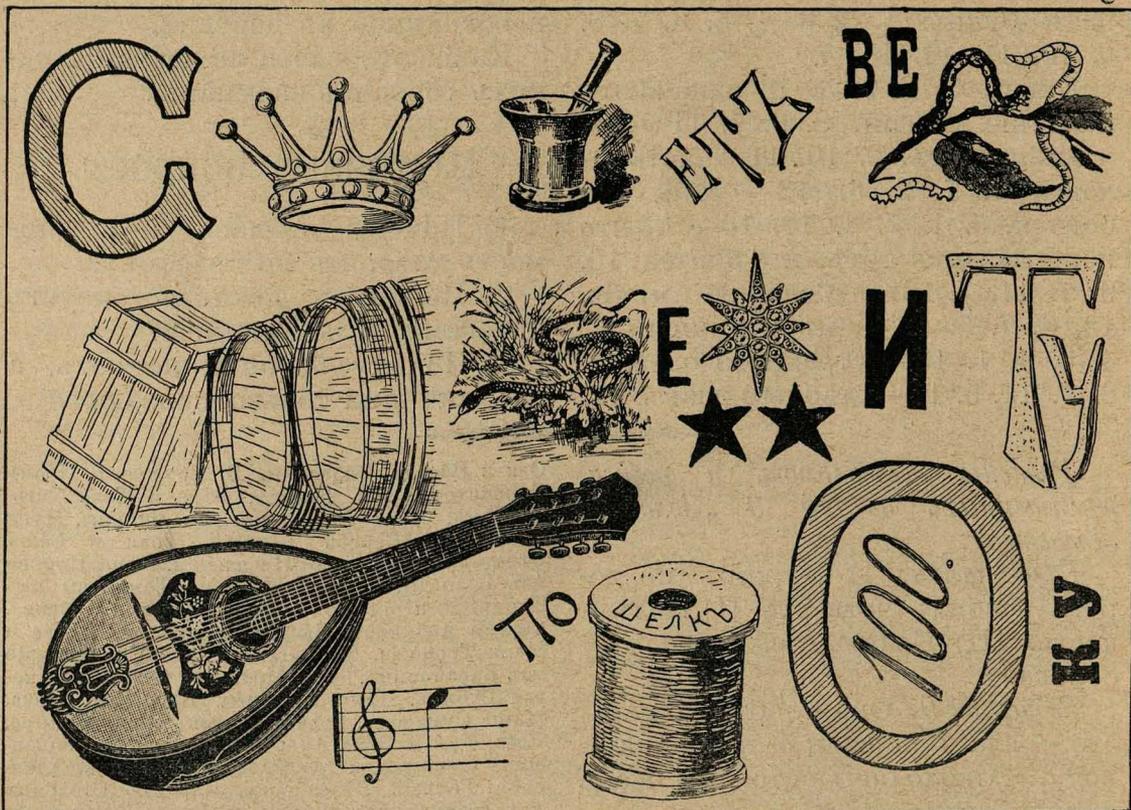
1) Почему явилась необходимость говорить по телефону?

2) Почему художникъ рисуетъ красками, а не горчицей?

3) Почему бабочки летаютъ, а ихъ личинки только ползаютъ?

Оля и Володя Сидоровы, В. Кружковъ, Иванъ Гольдштейнъ изъ Кѣлецъ, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ, Коля Валенчикъ изъ Вильны, Муся Бехтерева, Сергій Щуцкій, Толя и Саша Стратонитскіе, Сережа Невяжскій, Нина Попова изъ Вологды, Ваня и Юленька Томиловы изъ Твери, Дмитрій Пономаревъ, Катруся Бобкова, Сергій Азбукинъ, Люба Павловская, Шура и Маня Тропскія, Коля, Лена и Валя Смолявниці изъ Барановичъ, Гуляницкій изъ Острога, Николай Губинъ, Нина Вагнеръ, Лена Гладышева, Миша Суровецъ, Коля Гавриловъ изъ Сандоміра, Катя, Рая и Вѣра Чулковы, Андрей Озерецковскій, Леша Христорожественскій изъ Алексина, Георгій Розенбергъ, Павликъ Столбинъ изъ Кременчуга, Римма и Зина Автомоновы изъ Кинешмы, Лека Эпштейнъ, Тамара и Наташа Лисснеръ изъ Москвы, Вовочка Ястребцовъ, Вѣра и Нина Родителивы, Муся Смирнова изъ Калуги, Станиславъ Квинто, А. Колесниковъ въ Спб., Д. Аксеновъ, Борисъ и Жоржикъ Соловьевы изъ Кіева, Сережа, Лена и Оля Павловичи, Катя и Сережа Ситниковы, Нина Прозорова, Витя Жадько и Шура Фисенко, Валентинъ Шпаковский, Шура Ефимовъ изъ Москвы, Юра Ильяшенко и его воспитатель, Петя Яковлевъ, Коля Желиховскій, Галя и Жоржикъ Ромистровы, Миша Азбукинъ изъ Орла, Вѣрочка Исакова изъ Герсеванова, Настя изъ Лебедина, Лена и Наташа Сикевичъ, Витя Эгельштейнъ, Маруся Сосипатрова, Галина Русиловичъ, Маруся и Боря Черскіе, Серафимъ Важинскій, Миша Игнатъевъ, Тамара и Костя изъ Харькова, Коля и Сережа Павловы, Оля Голубина со ст. Кезъ, Грета Соломатина изъ Благовѣщенска, В. Токаревичъ изъ Царицина, А. Никифоровъ изъ Москвы, Вова Зенинъ изъ Пензы, Таня Домашнева, Жена Чижевскій, Оля Дидковская, Николай Васильевъ изъ Радзивиллова, Мухка Ляшевская изъ Таганрога, Вася Черкасъ, Пава и Ваня Скляровы, Владиміръ Пустовойтъ, Маруся Попова со ст. Мятлово, Митя и Володя Варди и Андрюша Михайловъ, Вавочка, Коля, Санечка и Бобочка Кисловскіе, Юра Андреевъ изъ Москвы, Марфуша Датченко, Оля Губина изъ Луганска, Коля Диго изъ Омска, Маркель Гурвичъ, Леночка и Вѣрочка С. изъ Ташкента.

Ребусъ № 12.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).
Высылается наложеннымъ платежомъ.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

КАКЪ УСТРОИТЬ ТЕАТРЪ ТѢНЕЙ.

Даваемый нами въ приложеніе театръ тѣней состоитъ изъ передняго фасада театра и фигуръ.

Передній фасадъ необходимо раскрасить слѣдующимъ образомъ: лира наверху — красная, лавровыя листья по бокамъ ея — зеленые, рамочка вокругъ занавѣса — желтая, а кружочки въ ней красные, драпировки — темно-красныя. Пустого мѣста, гдѣ долженъ быть занавѣсъ, ни подъ какимъ видомъ вырѣзать и красить нельзя, на немъ будутъ отражаться тѣни отъ фигуръ.

Этотъ передній фасадъ надо наклеить на рамку, которую легко сдѣлать изъ лучинокъ. Образецъ этой рамки показанъ на рисункѣ 1-мъ.

Бока слѣдуетъ забрать простымъ картономъ, на которомъ можно нарисовать какіе-нибудь рисунки. Такимъ образомъ, въ цѣломъ видѣ театръ долженъ быть такимъ, какъ на нижеслѣдующемъ рисункѣ 2-мъ.

Фигуры наклеиваются на картонъ и вырѣзаются. У задней стѣнки театра ставится горящая свѣча и между нею и переднимъ фасадомъ помѣщаются фигуры.

Чтобы привести фигуры въ движеніе, къ нимъ придѣлываются проволочки, съ которыми поступаютъ такъ, какъ показано на рисункѣ 3-мъ.

Рисун. 1-й.

Рисун. 2-й.

Рис. 3-й.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЫЙ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ).

Подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя др.).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО», С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.